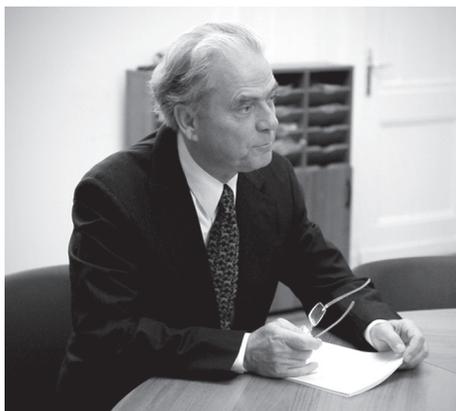

Современная эстетика. Между наукой и искусством

Профессор Михаэль
Зукале

2 ноября 2011 года состоялось третье в этом сезоне заседание Дискуссионного клуба «Парадоксы современной художественной культуры», проведенного кафедрой эстетики, истории и теории культуры совместно с отделом научного развития. Для обсуждения была выбрана тема «Эстетика в эпоху неклассических форм художественной культуры. Парадоксы эволюции». Вела дискуссию доктор философских наук, профессор Н.Б. Маньковская. Специальным гостем заседания дискуссионного клуба был философ и ис-

кусствовед, профессор Михаэль Зукале (Германия). Немецкий ученый много лет занимался историей взаимодействия и взаимовлияния науки и искусства, будучи автором монографий о теории перспективы и научных рисунках Леонардо да Винчи. Для участников Дискуссионного клуба особый интерес представлял его организаторский опыт: в 1990-е годы М. Зукале был первым директором Ольденбургского института философии, а затем – деканом факультета гуманитарных и общественных наук Ольденбургского университета, где участвовал в разработке учебных программ, в том числе и по эстетике.

Конференц-зал был полон: профессора и преподаватели со многих кафедр ВГИКа, научные сотрудники, аспиранты и многочисленные студенты. Присутствовали и гости клуба из Института философии РАН – философы О.В. Аронсон и Е.В. Петровская.

Н.Б. Маньковская открыла дискуссию описанием круга проблем, стоящих перед современной эстетикой. Современная художественная культура функционирует уже не просто на основе «средств технической воспроизводимости», а в глобальном медиaprостранстве. На основе компьютерных, цифровых, интерактивных и других технологий в современном искусстве возникли художественные явления, для описания которых категории классической эстетики оказываются уже не адекватными. Вследствие этого в рамках эстетики стали разрабатываться новые научные направления, которые можно условно объединить под рубриками «неклассической», «постклассической» или «постнеклассической» эстетики. Затем Надежда Маньковская обратилась к Михаэлю Зукале с просьбой рассказать о современном состоянии эстетики в Германии и поделиться его позицией относительно роли деятелей искусств в художественно-эстетическом освоении научных открытий.

Михаэль Зукале озаглавил тему своего сообщения как «Эстетика между наукой и искусством: современное состояние и перспективы».

В процессе дискуссии

Философ напомнил, что между наукой и искусством со времен Античности существовали сложные отношения взаимовлияния и «взаимоперетекания»: один и тот же вид деятельности в различные исторические эпохи считался то наукой, то искусством. С наступлением Нового времени искусство и наука все больше обособлялись друг от друга; тогда же сформировалась и эстетика как самостоя-

тельная научная дисциплина. Однако с появлением технических и электронных средств коммуникации началась их новая интеграция. Зукале согласился с Маньковской в том, что в некоторых видах современного искусства грань между собственно искусством и наукой провести очень сложно. Будущее эстетики зависит от того, насколько она окажется способной отразить эти процессы, сохраняя специфику своего понятийного аппарата.

С точки зрения Зукале, чтобы оставаться актуальной дисциплиной, эстетика должна опираться на историю искусств. Хотя эстетика – не историко-описательная, а теоретико-философская дисциплина, ее категории, как и категории искусствоведения, разрабатывались под влиянием эволюции искусства. Например, введенные Кантом понятия «возвышенного» и «приятного» были разработаны под влиянием эмансипации таких жанров, как пейзаж и натюрморт, хотя сам Кант открыто об этом и не говорит. Кроме того, именно история искусств дает нам примеры самых неожиданных преломлений научных открытий в творчестве художников. Столкновения науки и искусства каждый раз непредсказуемы, а с другой стороны, они носят циклический характер.

В качестве примеров Зукале привел эволюцию живописного решения фигуры распятия, появление линейной перспективы и первые шаги немоего кино. Распятие поначалу было интересно как обнаженная мужская фигура в религиозном контексте. Однако в эпоху позднего Средневековья художники стали с ним экспериментировать, вводя фигуру скорбящей Богородицы, стоящей слева от креста. Из-за того что это новшество нарушило симметрию композиции, распятие стали «уравновешивать» справа фигурами апостола Иоанна и Марии Магдалины. Важным представляется то, что это решение было продиктовано не культово-каноническими, а композиционно-формальными причинами.

Открытие линейной перспективы позволило не только создавать иллюзию точного воспроизведения трехмерного пространства на двухмерной плоскости холста, но и по-новому работать с драматургией композиции. Например, Пьеро делла Франческа на картине «Бичевание Христа» перенес ключевую сцену на задний план и при этом не сомневался, что именно туда сразу попадет взгляд зрителя. Хотя после

распространения перспективы бытовало мнение, что она сформирует живописный канон на несколько столетий вперед, всего лишь через каких-то 50-70 лет появился маньеризм, представители которого стали пародировать линейную перспективу и даже издеваться над ней.

Сходная ситуация произошла в эпоху немого кино. Поначалу кинематограф напоминал сфотографированный театр. Затем, после открытия крупного плана начались эксперименты с монтажом, которые постепенно привели к открытию определенных формальных законов, положивших основу «грамматике» кинематографа.

Зукале вспоминал, как в начале 1950-х годов, когда он был подростком, появились первые фильмы в технологии 3D (стереокино). Однако мода на него оказалась скороспелой, и оно вскоре оказалось вытеснено широкоформатным кино, поскольку широкий экран значительно эффективнее побудил кинематографистов к поискам новых средств выразительности, нежели объемное изображение. Новая волна 3D кино сегодня пока что не идет дальше развития эстетики cartoon (динамичных мультипликационных фильмов вроде «Тома и Джерри»), и, если кинематографисты не разовьют его с художественной стороны, этот формат вновь быстро выйдет из моды. Однако если художники кино найдут в нем импульс к развитию новых выразительных средств, предсказать развитие 3D кино станет невозможным так же, как невозможно было в середине XV века предсказать появление маньеризма. Последнее слово, таким образом, за художниками, а не за учеными. Из всего этого следует, что для понимания культурных процессов, происходящих сегодня, чрезвычайно важно изучать историю искусств, заключил Зукале.

Что касается современного состояния эстетики в Германии, то, по мнению Зукале, она пребывает в кризисном состоянии с послевоенных лет. Это вызвано не только конкретными историческими причинами – массовой эмиграцией немецких ученых в эпоху нацизма, но и более универсальными. Дело в том, что основной предмет эстетики – единое и целостное воздействие объекта искусства с большим трудом поддается анализу, поскольку анализ всегда предполагает приписывание предмету определенных признаков (предикатов), в результате чего предмет «разлагается» и теряет свою целостность. Эта проблема в равной степени действенна как для классического, так и для современного искусства.

В собственно дискуссионной части заседания профессор В.И. Мильдон выступил с критикой легитимности неклассической эстетики, которая не соответствует определению эстетики как науки о прекрасном. Интересным был диалог преподавателя эстетики А.М. Бурова с немецким философом о проблеме соотношения в искусстве категорий прекрасного и банального. Живую дискуссию спровоцировала проблема взаимодействия элементов науки и искусства в анатомических рисунках Леонардо да Винчи и в анатомическом атласе Весаля.

Отдел научного развития ВГИКа